

ЗАБЫТАЯ РЕЦЕНЗИЯ СЕРГЕЯ ГЕССЕНА НА РОМАН ОЛДОСА ХАКСЛИ*

SERGEY GESSEN'S FORGOTTEN REVIEW ON THE NOVEL BYALDOUS HUXLEY

Многогранная творческая деятельность выдающегося русского философа и педагога С. И. Гессена, как известно, включала в себя и активное сотрудничество с ведущими изданиями русской эмиграции, в т. ч. с парижским журналом «Современные записки», чрезвычайно близким ему по идеологическим установкам и политической ориентации. На страницах «Современных записок» Гессен предстает прежде всего как яркий публицист, теоретик правового социализма, философ образования и культуры. Тем примечательнее предлагаемый читателю текст – одна из редких рецензий Гессена на литературное произведение, причем в ту пору мало кому известного английского автора, в чьей книге философ сумел прочесть и оценить пророчество о грядущем исчезновении традиционной европейской цивилизации, о надвигающейся гибели классической культуры.

Отметим, что интерес Гессена к утопическим моделям различного рода и свойства присутствует в его текстах достаточно долго и вполне вписывается и в общий контекст его научных поисков, и в конкретную проблематику его философских штудий 1920–30-х гг. Не случайно одна

из первых публикаций Гессена на страницах парижских «Современных записок» объемная рецензия на книгу философа и критика, некогда одного из издателей «Северного вестника» Г. Ландау «Сумерки Европы»¹. Описание будущего Европы и европейской культуры, предложенное в рецензируемой книге, не вызывает у рецензента особых симпатий. В то же время он стремится оценить авторскую утопию более или менее объективно, отчасти щадяще, не указывая, скажем, на очевидную зависимость схемы Ландау от куда более глобальной модели О. Шпенглера.

«Основное, мы бы сказали элегическое настроение книги, давшее ей ее заглавие, может быть выражено в следующей формуле, – сдержанно замечает он. – Великая европейская война, будучи с виду внутренне европейским делом, борьбой за гегемонию в Европе, есть в действительности первое проявление уже ранее начавшегося процесса вытеснения европейской культуры нарождающейся культурой «мировой». Если до сих пор ареной всемирной истории была Европа, то ныне центр тяжести всемирной истории перемещается на внеевропейские страны: Англия, Америка, Япония, Россия становятся основными силами истории. Ее географическим центром, «Средиземным морем» новой «мировой» культуры становятся Тихий и Атлантический океаны. Европа из средоточия культуры присуждена

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 08-06-0688а «Создание энциклопедии «Школа, образование и педагогическая мысль русской эмиграции: 1918 – 1939 гг.»»).

стать провинцией будущей мировой культуры, подобно тому, как в древности Греция, бывшая одно время ареной истории, превратилась в провинцию эллинско-римской культуры. Гегемония Европы сломлена. «Европа станет провинцией новых творческих центров; когда-нибудь выяснятся эти центры, но пока мы будем иметь лишь провинциализм. Европа раздробляется; когда-нибудь ее части войдут в состав нового синтеза, но пока мы будем жить среди осколков». Мы прожили «Периклов век» европейской культуры. Настали ее «пелопонесские войны». «И да будет позволено тем из нас, кто чувствовал себя европейцами и в Европе осязал свою духовную родину, близкое и родное себе, – скорбью встретить ее роковые сумерки». Введение, в котором высказаны эти мысли, было написано и опубликовано автором еще в самом начале войны. Итоги войны только укрепили автора в его пророчестве. Победила в войне не Франция и не Англия. Победила мировая коалиция. И побежденной оказалась не Германия и не Австро-Венгрия, а Европа, в том числе и Франция, этот «побежденный победитель», как ее называет Ландау, тонким анализом освещающий безвыходную трагичность созданного для нее войной положения. Раздробление Европы в результате Версальского мира есть для Ландау начало того процесса распада Европы на осколки, который он предсказывал еще в 1914 году»².

Гессеновская отсылка к 1914 г., думается, не случайна: при всем несогласии с позицией автора и основными постулатами рецензируемой работы он стремится показать самобытность и оригинальность этой работы. Внутренняя полемичность текста скорбящего по уходящей европейской цивилизации Ландау по отношению к Шпенглеру у Гессена отзовется в середине 1920-х резким выпадом против шпенглеровского «прусского социализма», в основе которого, с его точки зрения, лежит вся практика французского утопизма XIX в., оказывающаяся к тому же близкой социальной философии итальянского фашизма.

«<...> при определении полномочий собственника государство руководится отнюдь не мнимыми началами справедливости, а исключительно лишь принципом целесообразности, все тем же Сен-Симоновым принципом “максимальной производительности”, – напишет он во второй главе книги “Правовое государство и социализм”. – Это все та же идея собственности, как чисто общественной функции, которая, с одной стороны, получила свое выражение в абсолютистском Прусском Уложении 1794 г., а с другой стороны, у ученика Сен-Симона – Огюста Конта, видевшего во всяком субъективном пра-

ве метафизическое понятие и противопоставлявшем декларации прав декларацию обязанностей. Еще резче та же идея Блага проявляется в некоторых современных консервативных течениях. “Прусский социализм” Шпенглера всецело проникнут ею: повторяя идеи Сен-Симона и Конта, Шпенглер со всей силой убежденного англофаба противопоставляет свои “истинно прусские” идеи функции, обязанности, служения – “английской” идее правового государства. Интересно, что и фашизм кладет в основу своей системы то же самое отрицание свободы и права, совершенно в духе Сен-Симона противопоставляя свободе – обязанность, праву – благо и «анархии» правового государства – порядок. Нетрудно показать, что даже характерное для социализма отрицание только “формального” правового равенства и противопоставление последнему “реального” равенства вполне разделяется консерватизмом»³.

Несложно догадаться, что сформулированный Гессеном к середине 1920-х гг. набор претензий к социальным утопиям прошлого, равно как и ко всему европейскому утопизму в целом непосредственно связан с личным опытом автора, уже сталкивавшегося с последствиями прихода тоталитарной власти. Диагноз Гессена жесток и однозначен: «Утопический максимализм коммунизма развивает внутреннюю диалектику саморазрушения и “отбрасывает действительность на более низкую ступень” не потому только, что требования не соответствуют в нем действительности, а потому, что идолопоклонство цели, догматическая уверенность в абсолютной истинности представляемого им интереса уполномочивает его игнорировать все другие возможные цели, совершенно выключая нравственный вопрос о выборе должных, дозволительных средств»⁴.

Закономерным для философа этапом на этом пути становится статья «Крушение утопизма», основное предназначение которой автор видит в том, чтобы «выяснить, что такое утопизм, в чем заключается его основная вина и в чем причина его крушения»⁵. Пагубность утопизма, развернутую критику которого Гессен предлагает на страницах «Современных записок», заключается в том, что безоговорочная вера в абсолютный идеал оборачивается по ходу его реализации в свою противоположность и ведет к самым разрушительным последствиям. По убеждению мыслителя, «утопизм непременно максималистичен: он не удовлетворяется борьбой с тем или иным видом конкретного зла, но стремится к порядку, сразу упраздняющему всякое возможное зло. Он жаждет вечного мира, полной независимости от природы, безусловной справедливости, неограниченной свободы, уничтожения всякого

насилия, не омраченного ничем счастья.

Перед лицом этого абсолютного идеала для утопизма естественно стираются все различия в окружающей его конкретной действительности: вся она есть в равной мере воплощение абсолютного зла, и то, что кажется нам в ней лучшим по сравнению с другим, на деле не только есть, по его мнению, нечто маловажное, но представляет собой наихудший вид зла, ибо зло здесь лишь наиболее лицемерно сокрылось под личиной добра. Отсюда огульное отрицание утопизмом всего того, что не есть полнота утверждаемого им самим идеала: вся история есть для него сплошное нагромождение заблуждений и ошибок, господство одного только зла. Мир должен быть перестроен совсем заново, на голом месте. Весь существующий ныне строй должен быть дотла разрушен, ибо только на развалинах старого мира может утвердиться новый беспорочный порядок. Поэтому утопизм самоуверенно догматичен: только им утверждаемый идеал истинен, и, так как он есть вся истина, то все, не разделяющие этого идеала, – или глупцы, которых надо насильно привести к собственному благу, или враги, с которыми должно беспощадно бороться. Постольку утопизм террористичен: веря в спасительность осуществляемого меньшинством насилия, он утверждает и право последнего на безусловное господство над большинством. Тем самым крайний пессимизм соединяет он со столь же беззаветным оптимизмом: мир во зле лежит, утверждает он. И вместе с тем вера его в силу Добра неограниченна: в последнем своем основании мир добр и благостен. Надо только показать людям, что есть Добро, и Добро победит зло окончательно и навеки. Поэтому война, которую объявляет утопизм лежащему во зле миру, есть война священная»⁶.

В дальнейшем антиутопическая составляющая занимает немалое место и в научном наследии Гессена, и в его концепции воспитания личности. Такова, например, статья «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева»⁷ и др. Квинтэссенцией данного подхода можно считать написанное в 1949 г. эссе «Права человека при либерализме, социализме и коммунизме»⁸.

На этом фоне выглядит закономерным внимание Гессена к роману английского писателя, будущего классика британской литературы XX в. О. Хаксли (1894–1963) «О дивный новый мир» (1932), получившая со временем статус образца романа-антиутопии книга Хаксли оказывается среди не многих иноязычных художественных произведений, удостоившихся рецензии в «Современных записках». Гессен чрезвычайно чуток

к авторскому замыслу, точен и глубок в оценках. Собственно, ряд проблем, поставленных им в рецензии, современным литературоведением так и не решен и остается делом будущего. Сочетание оценки современного автора с глубоким проникновением в стоящую за ним культурную традицию делает рецензию Гессена интереснейшим памятником интеллектуальной истории XX в., по крайней мере того ее раздела, который касается крушения утопизма.

Добавим, что это еще одно яркое свидетельство того пристального интереса к современной литературе, русской и зарубежной, который Гессен сохранял на протяжении всей жизни, его поразительной способности находить опору и обоснование своих теоретических построений не только в практике повседневной жизни, но и в ее литературно-художественных интерпретациях.

С. И. Гессен

Aldous Huxley. Brave New World. London, 1932⁹

Совершенно рационализированное и абсолютно стабилизированное общество, как оно вожделеется приверженцами коммунистической утопии и их буржуазными поклонниками, – такова тема новой остроумно и глубоко написанной сатиры Гексли¹⁰. В этом «бравом новом мире» техника и рационализация «начинаются с самого начала» и проведены до самого конца. Люди здесь не рождаются, а производятся в инкубаторах. В зависимости от будущей социальной функции в реторту человеческого зародыша на определенных метрах конвейера прибавляются разные вещества, под воздействием которых из реторты «выбалтываются» в нужном для промышленности количестве альфы, беты, гаммы, дельты и т. д., физиологические и умственные качества которых точно соответствуют будущей работе этих каст стабилизированного общества. Как деторождение заменено «выбалтыванием», так «воспитание заменено «обусловливанием», в остроумном описании которого нетрудно распознать основные черты «педагогики среды» Монтессори и советской педагогики, усыпляющей воспитанников тысячекратным повторением одних и тех же рецептов социальной мудрости.

Техника, счастье и социальность являются началами, на которых зиждется этот новый мир. Наука в нем существует лишь постольку, поскольку она нужна технике, художник заменен в нем «эмоциональным инженером», любовь – ничем не связывающими половыми наслаждениями. Заменен и алкоголь чудодейственным «сома», соединяющим все преимущества алкоголя, без всех его недостатков, с преимуществами омо-

лаживающих человека препаратов. Упразднен, разумеется, и Бог за ненадобностью. Мир поклоняется Форду и обществу. Религия есть область эмоциональной техники, и функция ее возбудить до предела социальные эмоции. Вот только смерть не побеждена. Но зато преодолен страх смерти: люди умирают в великолепных «мораториях» на глазах у детей, пачками посещающих их, чтобы «привыкнуть к смерти». Проблемы будущего не существует в этом мире стабилизированного настоящего, так же, как и проблемы прошлого: истории не только не учат, но она вообще отменена. За десятью замками в библиотеке «Мирового контролера» (их десять на всю планету) консервированы документы неразумного прошлого, среди них и Библия, и Шекспир. Благотворительная цензура искусно бдит за тем, чтобы никакие вопросы не возмущали безмятежности личного и стабильности общественного строя.

Увы, абсолютного совершенства нет и в этом новом бравом мире. Даже среди элиты («альфа») оказываются неудовлетворенные: Бернард Маркс, про которого говорят, что «они подбавили ему в реторту лишних два грамма алкоголя»; Гельмгольц Ватсон, сочинитель рифмованных сентенций гипнопедической мудрости. Один никак не может примириться с тем, что в новом обществе «каждый принадлежит каждому», другому наскучивает сочинять стихи без всякого содержания с одной только техникой, и он вдруг сочиняет оду Одиночеству. Появление в их обществе «дикаря» еще более обостряет положение. Джон не только вырос среди дикарей, живущих в особом заповеднике, содержанием для научных целей, но и родился от матери. Случайно попавший ему в руки затрепанный том Шекспира был его единственным чтением, и в Лондоне, куда его с матерью привозит нашедший их Бернард, Джон продолжает мыслить и чувствовать по Шекспиру, а не по правилам эмоциональной техники. Неудивительно, что отношения его с Лениной, породистым экземпляром «альфа-плюс», затягиваются в неразрешимый узел и приводят к трагическому концу.

Такова фабула повести¹¹, помогающая остроумному автору нарисовать во всех его последних достижениях мир, в котором безраздельно торжествующая техника установила окончательную стабильность. Во всей полноте своей идеологическая проблематика романа получает свое выражение в беседе, которую ведет «мировой контролер» Мустафа Монд с героями романа, отправляющимися в ссылку на «острова недовольных». «Мир теперь стабилизирован, — говорит он. — Люди счастливы; они имеют все, что хотят, и они никогда не хотят того, чего не мо-

гут получить. Они благоденствуют; они пользуются благами безопасности; никогда не болеют; не боятся смерти; они так «обусловлены», что они практически не могут себя вести иначе, чем должны себя вести. А на худой конец у них есть всегда «сома». «Надо выбирать между счастьем и свободой. Мы выбрали счастье и заплатили за него искусством, наукой, религией».

Русский читатель без труда узнает в мировом контролере современный вариант Великого Инквизитора. Что здесь мы имеем не простое совпадение, но и прямое влияние Достоевского, это видно из всего контекста. Да и не случайно эпиграфом к своей повести избрал Гексли слова Н. Бердяева о том, что «наступает время, когда образованные люди будут мечтать о средствах для того, чтобы избежать утопий и вернуться к обществу, не утопическому, менее «совершенному», но зато и более свободному». Значит, не только пятилетка, но и подлинная русская культура находит свой доступ к душе английской интеллигенции, характернейшим представителем которой является Гексли.

Примечания

¹ Sergius. [Рец. на кн.:] Ландау Г. А. Сумерки Европы. Берлин: Слово, 1923 // Современные записки. 1923. — Кн. XVI. — С. 436–444.

² Там же. С. 437–438.

³ Гессен, С. И. Избранные сочинения / С. И. Гессен. — М., 1999. — С. 240–241.

⁴ Современные записки. — 1923. — Кн. XVI. — С. 442.

⁵ Гессен С. И. Крушение утопизма / С. И. Гессен // Современные записки. — 1924. — Кн. XIX. — С. 277.

⁶ Там же. — С. 278.

⁷ Современные записки. — 1931. — Кн. XLV. — С. 271–305; Кн. XLVI. — С. 321–351.

⁸ Гессен С. И. Педагогические сочинения / С. И. Гессен. — Саранск, 2001. — С. 476–505.

⁹ Современные записки. — 1933. — Кн. LII. — С. 463–465.

¹⁰ Написание имен собственных, включая фамилию самого Хаксли, дается в варианте, предложенном Гессеном.

¹¹ Современное литературоведение предпочитает определять жанр рецензируемого произведения как роман, однако для Гессена этот вопрос не принципиален — относительно небольшой объем текста дает ему основания говорить о книге Хаксли как о повести.

Вступительная статья, примечания, подготовка текста к публикации О. Е. Осовского

Поступила 19.10.2011 г.